

Э.А. Замов

Екатеринбург

БЕНИТО МУССОЛИНИ В ГОДЫ ПЕРВОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ: ФОРМИРОВАНИЕ «ДУЧЕ»

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: Фашизм, либерализм, социализм, Муссолини, Первая мировая война.

АННОТАЦИЯ: Статья посвящена формированию и эволюции взглядов лидера итальянской фашистской партии Бенито Муссолини в годы Первой мировой войны. Изучение статей, речей и писем будущего главы фашистского правительства дает возможность выявить факторы, формировавшие мировоззрение будущего диктатора. Статья также является попыткой выявить специфику взглядов Муссолини, отличавшую его мышление от других социалистических лидеров.

E.A. Zamov

Yekaterinburg

BENITO MUSSOLINI IN THE FIRST WORLD WAR: THE FORMATION OF "DUCE"

KEY WORDS: Fascism, Liberalism, Socialism, Mussolini, First World War.

ABSTRACT. The article is devoted to formation and evolution of the views of the leader of the Italian fascist party Benito Mussolini in the First world war. Studying articles, speeches and letters of the future head of the fascist government gives the opportunity to identify the factors that shaped the worldview of the future diktator. The article is also an attempt to reveal the specifics of the views Mussolini that distinguished his thinking from other socialist leaders.

Спустя четверть века после краха СССР мы стоим перед неизбежным пересмотром сложившегося в 1991 году миропорядка. Выход Великобритании из ЕС (чего не желала инициировавшая референдум по вопросу о Brexit консервативная партия), свержение демократически избранного президента Украины при поддержке демократического Запада (не извлекшего из этого государственного переворота никаких выгод), признание независимости Косово (запутавшее и осложнившее геополитическую ситуацию в Европе), мигрантский кризис (ставший следствием утопических по сути либеральных идеалов) означают, что либеральной теории общественного развития предстоит новая проверка на прочность (более серьезная, чем в 1929 году). В этой связи оп-

равданным является интерес к нелиберальным теориям развития государства и общества и к истории формирования данных теорий. Одной из таковых явилась фашистская теория корпоративного государства Бенито Муссолини. Несмотря на общую неудачу попытки реализации данной доктрины, фашистский режим смог создать экономические структуры, успешно работающие до настоящего времени (например, Институт индустриальной реконструкции прекратил свое существование лишь в 2000 году), помог стране сравнительно безболезненно пережить экономический кризис 1929 г. и по иронии судьбы подготовил послевоенное итальянское «экономическое чудо». Либерал Б. Кроче рассматривал фашистский период как некий «вывих» в истории страны. Но живучесть фашистских экономических структур (кроме корпораций, все эти структуры надолго пережили фашистский режим) заставляет рассматривать фашистский период как объективно неизбежный этап в истории страны, укрепивший позиции Италии в мировой политике. Поэтому история формирования политических взглядов Бенито Муссолини остается по-прежнему актуальной.

В первом же номере газеты «Иль Пополо д'Италия», не без вызова названной «Смелость», Муссолини поставил почти гамлетовский вопрос: «Жить или умереть, хотя бы и будучи увенчанным многими похвалами, полными неискренности?» (1). Жизнь в данном случае понимается как иррациональный мистический порыв и носит не социальный, а биологический характер. Война также понимается Муссолини как неизбежный биологический по сути акт, а любой нейтралитет всегда вреден: «Ожидание может привести к тому, что мы опоздаем и окажемся перед неизбежным фактом, и любые сожаления тогда будут бесполезны» (Там же). Необходимость вступления в войну Муссолини обосновывает следующим образом: «...судьбы Европы тесно связаны с возможными результатами этой войны; остаться в стороне – значит выпасть из истории и из жизни» (Там же). О своих сторонниках Муссолини говорит: «...мы - люди, и люди живые, которые хотят внести свой вклад, пусть и скромный, в создание истории» (Там же). В сущности, мировоззрение Муссолини представляет собой негативную реакцию на позитивистское мировоззрение, воспринимающее тогдашний мир как мир идеальный и законченный, не нуждающийся в изменениях. Идеал Муссолини – преобразование и изменение. Период начала Первой мировой войны Муссолини рассматривает как «период всеоб-

щей ликвидации» (Там же), а саму войну считает положительным событием, поскольку она дает возможность «разорвать систему мутных интриг и подлости» (Там же). Война для Муссолини – это изменение. А изменение – это прогресс, и поэтому «Кричать: “Мы хотим войны!” не может не быть более революционно, что кричать “долгой?”» (Там же). При этом важным идеалом Муссолини остается европейская цивилизация, к которой он относит «латинских сестер Италии» - Францию и Бельгию, но решительно отказывается в цивилизованности Германии.

Высказываясь против принятого социалистами принципа «не поддерживать и не саботировать», Муссолини настаивает на том, что каждый социалист должен «быть на передовой в борьбе против европейской военной реакции, которая душит революцию» (Там же). Эти слова были им произнесены на собрании социалистов, которое исключило его из социалистической партии. На этом собрании он еще говорил о свободе пролетариата как о своей цели, но подчеркнул: «Ватерлоо было в 1814 году*»; может быть, в 1914 году какой-то другой принцип возобладает на земле какой-то другой короны и, может быть, он спасет свободу и начнет новую эру в истории мира...» (2). Постепенно Муссолини на протяжении одной-единственной речи переходит от защиты свободы пролетариата к защите либерального принципа свободы вообще.

Негативно относясь к позитивизму, предсказуемо и жестко распределившему историю на три стадии, Муссолини все же сохранил такой важный принцип позитивизма, как агностицизм: «Наш век породил множество филантропических сочинений, чтобы облегчить страдания людей, а также животных, но вместе с добрыми чувствами существуют и другие, более глубокие, более высокие, более существенные; мы не объясним феномен всеобщей войны, приписав ее только прихоти монархов или антагонизму племен или конфликту экономик; мы должны принять во внимание и другие чувства, которые каждый из нас несет в душе своей, чувства, побуждавшие Прудона провозгласить — правда, под маской парадокса — что война имеет «божественное происхождение»» (3). Человек воспринимается Муссоли-

* Сражение при Ватерлоо было произошло 18 июня 1815 г.

ни как существо, движимое таинственными инстинктами, при этом Муссолини переходит к отрицанию нравственного прогресса общества и человека как такового. С точки зрения Муссолини, развитие международных связей не приводит к какому-либо сближению народов, и развитие вооружений отнюдь не убивает в человеке воинственные инстинкты. При этом Муссолини, окончательно отходя от марксизма, констатирует: «Экономический человек в чистом виде не существует. Мировая история не является игрой экономических сил и материальный интерес не является — к счастью! — единственной пружиной действий человека» (Там же). Эти слова Муссолини показывают, что он сохраняет в своем сознании еще один важный принцип, исповедуемый некоторыми позитивистами — так называемую плюралистическую теорию исторических факторов, в соответствии с которой исторический прогресс определяется развитием и взаимодействием нескольких равноправных факторов. При этом в отличие от марксизма экономический фактор не понимается как определяющий, но лишь как один из многих факторов развития. Международную интеграцию Муссолини признает и констатирует ее факт, но вполне разумно подчеркивает, что тенденции международной интеграции тесно связаны с дезинтеграционными процессами: «Правда, что международные отношения умножились; правда, что экономические и политические взаимодействия между народами являются бесконечно более частыми, чем то, что было века назад, но рядом с этим явлением появилось еще и другое: народы, как правило, с распространением национальной культуры и со становлением национальной экономики — психологически и морально замкнулись в себе» (Там же). Международное рабочее движение Муссолини оценивает еще более скептически, чем пацифизм: «Рядом с пацифистским буржуазным движением, которое не стоит принимать во внимание, существует другое движение международного характера: рабочее. Вспышка войны доказала всю его несостоятельность. Немцы, которые должны были подать пример, выстроились под знаменами Кайзера, как один человек. Предательство немцев заставило социалистов других стран встать на позиции нации и национальной обороны. Национальное единодушие Германии автоматически предопределило единодушие наций в других странах» (Там же). В этот момент пролетариат для Муссолини перестает быть ценностью, и его интересы не являются более для Муссолини чем-то важным. Более того, Муссоли-

ни отрицает значимость межклассовых противоречий в истории: «Является спорным, что у нас в Италии есть буржуазия в классическом смысле этого слова. В большей степени, чем общество делится на буржуа и пролетариев, оно делится на богатых и бедных. В любом случае не стоит утверждать, что буржуазия Италии в наше время виновна. Совсем другое! Она является нейтральной и отчаянно пацифистской. В буржуазии молодые силы, которые не хотят топтаться на мертвой горе нейтралитета, но буржуазия в целом является нейтральной и враждебной к войне» (Там же). В данном случае Муссолини выступает уже не как социалист и тем более марксист, а скорее как консерватор в духе Б. Дизраэли. Примечательно, что уже в 1914 году Муссолини считал, что новая революция в России неизбежна, причем в самое ближайшее время. Кроме того, в духе Т. Джефферсона Муссолини провозглашал: «Признаем же, что нация имеет право и обязанность защищаться вооруженной рукой от любых атак извне». При этом суждения Муссолини были противоречивы: с одной стороны, он требовал, чтобы Италия пришла на помощь Бельгии и Сербии именно из моральных побуждений, и в то же время считал человека и исторический процесс явлениями по ту сторону морали. Он подчеркивал: «Социализм не должен и не может выступать против любых войн, потому что тогда придется забыть о 50 веках истории. Вы хотите судить и осуждать войну в Триполи с тех же позиций, с которых вы осуждаете французскую революцию в 1793 году? И Гарибальди? Он тоже развязал войну? Следует делать различие между войной и войной, отличается убийство от убийства, а кровь от крови» (Там же). Так же, как и В. И. Ленин, Муссолини осуждал теорию Л. Н. Толстого. Но в отличие от Ленина, высшим идеалом Муссолини было национальное государство. Впрочем, иногда он вспоминает и о рабочем классе: «Все заставляет думать, что Европа завтра будет кардинально преобразована. Больше свободы или больше реакции? Больше милитаризма или антимилитаризма? Какой из двух групп Держав Победа создаст условия для освобождения рабочего класса? Австро-германский блок или Тройственное Соглашение? Ответ не вызывает сомнения» (Там же). При этом Муссолини твердо считал, что вмешательство в войну послужит на пользу рабочему классу: «Вмешательство сократит гигантскую бойню. Оно будет благом для всех, даже для немцев, против которых мы будем бороться». Имморализм Муссолини ярко выражен в сле-

дующих его словах: «...каждая эпоха, каждый народ имеет свои войны. Жизнь относительна; абсолют же существует в абстракции, холодной и бесплодной». Итак, парадокс состоит в том, что войну Муссолини считал важнейшим средством борьбы с... милитаризмом. Агрессивность Муссолини носила в сущности оборонительный характер. Эта агрессивность связана со слабостью Италии, ее недостаточной способностью отстоять свои интересы, слабостью среднего итальянца, лишенного избирательного права, работы и подвергаемого перманентному давлению со стороны государства. Именно поэтому он провозглашал: «Надо действовать, идти бороться и, если необходимо, умереть. Все нейтралы никогда не доминировали в событиях. Они всегда страдали. Это кровь, которая движет металлические колеса истории!» (Там же).

Во время войны Муссолини переходит от плюралистической позитивистской теории исторических факторов к мировоззрению, которое можно назвать расистским монизмом. Данное мировоззрение рассматривает историю как столкновение рас: «Голос расы говорит громче, чем голос политического единства» (4). Считая, что Албания не вступит в Первую мировую войну, Муссолини так обосновывает свою точку зрения: «Албанцы делятся на расы и племена, поэтому их выступления против Италии, на мой взгляд, бояться нечего» (Там же). Постепенно Муссолини начинает даже к демократии относиться с презрением: « Я считаю, что в случае войны надо оставить самую широкую свободу действий для Главного командования. Юристы, делающие политику, должны молчать, потому что были проиграны все войны, в ходе которых существовало противостояние между властью политической и властью военной» (Там же). Муссолини в данном случае отражает позицию разнородных широких масс населения, долгое время лишенных либералами избирательного права (до 1912 года таким пользовалось около одной десятой населения, что привело к своеобразному перегреву низов и к собственно фашистскому выступлению 1922 г.). При этом отношение Муссолини к народу сложное. С одной стороны, народ рассматривается им как некая здоровая субстанция, желающая войны и того обновления, которое якобы несет война, с другой стороны, Муссолини говорит: «В общем, надо принимать решение: или война, или же мы покончим с комедией великодержавности. Сделаем из гостиниц публичные дома и разжиреем. Народ также

может исповедовать этот идеал. Ожирение является идеалом зоологии» (Там же).

Отрицание морали в политике у Муссолини сочетается с провозглашением именно моральных принципов. Так, он пишет: «В динамичный век, подобный нашему, каждый народ может и должен претендовать на полную свободу действий» (5). В то же время он ограничивает рамки итальянского ирредентизма: «Все народы, которые страдают от угнетения, должны быть свободны: это декларация наших принципов; на практике же наш ирредентизм должен носить только анти-австрийский характер, но не антифранцузский в отношении Ниццы и Корсики или антибританский в отношении острова Мальта потому, что только в Австрии итальянское население Италии... переносит ужасные страдания...» (Там же). При этом он осуждает национализм и империализм: «Возвращение всех ранее утраченных территорий — когда это не оправдано соображениями справедливости и свободы — национализм или империализм. Это не для нас!» (Там же).

Постепенно Муссолини выхолащивал само понятие «социализм». Он отмечал: «... евангелие может быть только в церкви для верующих, но не для коллектива свободных мыслителей. Есть большая доля правды в марксистской критике, но еще есть правда и в идеологии Мадзини. Идеи Прудона живы (или не очень), в то время как большая часть идей Бакунина по-прежнему стоит твердо, как гранитная скала. Хотим ли мы, мы — люди свободного духа — поверить в единственно верное евангелие и поклясться в верности только одному учителю? Или не стоит — в нашу эпоху всеобщей ликвидации — бросить в большой костер пылающей истории наши политические и нравственные ценности, чтобы отделить в них вечное от преходящего, то, что проходит, от того, что не умирает? Нужно ли нам безбрежное поле моногамной идеи? Нужно ли это самоотрицание взамен более прямого и глубокого понимания жизни и вселенной? Жизнь меняется, сложная и многогранная: она полна возможных сюрпризов, предопределенных противоречиями. Тот ли не дурак, кто хочет изнасиловать жизнь в коротких догматических формулах? Итак, свобода, бесконечная свобода!» (Там же). В этих словах слышится не только следование диалектическому способу мышления, но и приверженность идеалам Рисорджименто (достаточно сказать, что Д. Мадзини был последовательным противником социализма. Муссолини смешивает в своем мировоззре-

нии совершенно разных по своим позициям мыслителей, противостоящих друг другу. Вслед за Э. Бернштейном он допускает отречение от идей Маркса, если они перестают соответствовать эпохе, вслед за Мадзини он становится ирредентистом, да и анархизм М. А. Бакунина ему ближе, чем марксизм. Например, в противовес известной фразе из «Манифеста Коммунистической партии» о том, что у пролетариата нет отечества, он утверждает: «Все основные постулаты социализма не требуют отречения от родины» (6). Такое смешение идей не является эклектикой уже потому, что эти идеи взаимно исключают друг друга. Но это смешение имеет общую основу – государственнический прагматизм. Например, по поводу возможной аннексии Италией порта Фиуме Муссолини писал: «... я должен сказать, что для меня факторы идеального порядка имеют второстепенное значение по сравнению с экономическими» (7).

Критикуя сторонников нейтралитета Италии в Первой мировой войне, Муссолини указывает: «Надо прямо сказать, что Италия должна вести войну для того, чтобы удовлетворить свои национальные устремления. Предположим, что в результате умелой макиавеллистической игры нашей дипломатии мы получим Тренто, Триест, Фиуме, Истрию, словом Адриатику, но это отличается от того, чего можно добиться с помощью войны: на мирном конгрессе, где будут осуществлены крупные изменения в политической карте Европы, будут иметь право голоса только те страны, которые — проигравшие или победители — были участниками конфликта. Любые территориальные уступки, предоставленные Италии в ситуации ее нейтралитета не имеют, следовательно, никакого значения...» (8). Муссолини допускает территориальное расширение Италии только путем войны. Стоит отметить, что после Крымской войны участвовавшее в ней Сардинское королевство (зародыш будущей объединенной Италии) получило возможность участвовать в Парижском конгрессе, но ничего от этого и выиграло. В сущности, отход Муссолини от социализма продиктован именно национальным унижением Италии, неспособностью марксизма объяснить рост национализма в Европе, резкими изменениями социальной структуры Италии, связанными с ростом среднего класса (под которым в тот момент принято было понимать врачей, учителей и инженеров) и недостатком возможностей политической самореализации этого класса.

Литература:

1. Mussolini B. Audacia [Electronic resource]. // Benito Mussolini – Discorsi scritti e articoli. URL: <http://www.adamoli.org/benito-mussolini/pag0007-.htm> (дата обращения: 10. 03. 17)
2. Mussolini B. Il distacco dai compagni ciechi [Electronic resource]. // Benito Mussolini – Discorsi scritti e articoli. URL: <http://www.adamoli.org/benito-mussolini/pag0002-.htm> (дата обращения: 10. 03. 17)
3. Mussolini B. Contro la neutralina [Electronic resource]. // Benito Mussolini – Discorsi scritti e articoli. URL: <http://www.adamoli.org/benito-mussolini/pag0003-.htm> (дата обращения: 10. 03. 17)
4. Mussolini B. L'Italia nel gennaio del 1915 [Electronic resource]. // Benito Mussolini – Discorsi scritti e articoli. URL: <http://www.adamoli.org/benito-mussolini/pag0005-02.htm> (дата обращения: 10. 03. 17)
5. Mussolini B. Dopo l'adunata [Electronic resource]. // Benito Mussolini – Discorsi scritti e articoli. URL: <http://www.adamoli.org/benito-mussolini/pag0006-03.htm> (дата обращения: 10. 03. 17)
6. Mussolini B. Il partito del «ni» [Electronic resource]. // Benito Mussolini – Discorsi scritti e articoli. URL: <http://www.adamoli.org/benito-mussolini/pag0009-.htm> (дата обращения: 10. 03. 17)
7. Mussolini B. Il problema di Fiume [Electronic resource]. // Benito Mussolini – Discorsi scritti e articoli. URL: <http://www.adamoli.org/benito-mussolini/pag0007-.htm> (дата обращения: 10. 03. 17)
8. Mussolini B. C'è un'insidia... [Electronic resource]. // Benito Mussolini – Discorsi scritti e articoli. URL: <http://www.adamoli.org/benito-mussolini/pag0010-03.htm> (дата обращения: 10. 03. 17)